

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ *

В. Неоплатонизм Максима Грека

Идеи итальянского Возрождения нашли отражение и в философских взглядах Максима Грека.

Нужно сказать, что до Максима на Руси не было оригинальных философских концепций.

Своеобразное учение Нила Сорского об «умном делании», в основе которого лежал интерес к внутреннему миру, нельзя признать характерным для становления русской философской мысли. Идея «умной молитвы» занесена Нилом с Афона, где удерживалось в то время исихастское учение Паламы, являвшееся идеологией оторванного от общества монаха-пустынника.

До XVI в. русские книжные люди в своих писаниях следовали за Иоанном Дамаскином, который в «Источнике знания» утверждал, что источником знания и мудрости служит «божественное откровение», а философия является служанкой богословия⁶⁰. Этот тезис, господствовавший на Востоке, сохранил свою силу и на Западе до эпохи Возрождения.

Философская сторона литературного наследия Максима Грека до сих пор не привлекала внимание исследователей. Между тем по богатству философских тем в сочинениях он занимает первенствующее положение среди русских писателей XVI в. Правда, не осталось ни одного сочинения, специально посвященного философским вопросам. О философских взглядах писателя приходится судить по отдельным высказываниям, рассеянным в его произведениях. Анализ этих высказываний показывает, что философия Максима Грека была двойственна и противоречива.

Двойственность обнаруживается уже в определении места и роли философии среди других наук.

В одном сочинении против латинян он пишет, что только богословию доступна высшая истина, а «внешние» знания, в том числе философия, только затемняют эту истину «диалектическими нуждами и софисмами»⁶¹.

В другом месте Максим указывает, что латиняне утратили истину и извратили догматы, всецело доверившись «Аристотелю и Платону и прочей чреде еллинской»⁶².

В то же время мы встречаем у Максима Грека и другое мнение о философии. Так, в «Послании Федору Карпу Ивановичу» он пишет, что фило-

* Окончание. См. ВВ, 33, 34.

⁶⁰ Иоанна Дамаскина Полное собрание творений, т. I. СПб., 1913.

⁶¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 249; ср. П. Виллари. Джироламо Савонарола, т. I, СПб., 1913, стр. 83.

⁶² «Сочинения Максима Грека», I, стр. 462. Приведенное выражение Максима Грека напоминает выражение Петрарки: «Имеют Аристотеля вместо Христа, Аввероса вместо Петра» (J. R. Charbonnel. La pensée italienne au XVI-e siècle et le courant libertain. Paris, 1919, p. 178).

софия сама по себе «священна вельми». Без вдохновения пророков философия, конечно, часто заблуждается, однако она предоставляет людям преимущества целомудрия, мудрости и кротости, улучшает нравы добрыми правилами и устанавливает общественный порядок и гражданственность и, вообще говоря, «всяку добродетель и благодать вводит во всем свете. Отсюда же и от древних некий рече: болши ми благотворит житие сие философ муж, нежели царь благий»⁶³.

Из философских воззрений Максима Грека следует отметить прежде всего его идею «самовластия» человека. Эта идея не чужда была русским книжникам до Максима Грека. Она выражена в начале известного «Лаодикийского послания» Федора Курицына (конец XV в.) в словах: «Душа самовластна, заграда ей вера», и трактовалась в смысле свободы воли, «вольного произволения человека»⁶⁴. Однако, вероятнее всего, Максим Грек заимствовал эту идею из философии Савонаролы, решительно выступавшего в защиту свободы воли человеческой, и из знаменитой «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола⁶⁵, у которого он служил в течение двух лет.

Идею «самовластия» человека Максим несколько раз высказывает, как отмечалось выше, в полемических сочинениях против астрологии. Так, в «Слове противу тщацихся звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человеком» он пишет: «Мы бо самовластни от содетеля бывше и господие нашим есмь деянием»⁶⁶. В другом его сочинении мы читаем: «Мы бо самовластни бывше творцем, властели есме своим делом»⁶⁷.

Нельзя, конечно, не признать, что в высказываниях Максима Грека «самовластие» представляется в более узком смысле, чем в «Речи о достоинстве человека», где под ним подразумевается свобода как природа разума и души человека. У Максима «самовластие» ограничивается понятием врожденной свободы в выборе между добром и злом. Но и в таком понимании взгляды Максима на «самовластие» являлись передовыми для его времени, тем более что они открывали возможность расширенного толкования «самовластия» и свободы.

Что касается взглядов Максима Грека на роль человеческого разума в деле познания, то мы встречаем у него одно чрезвычайно интересное высказывание о человеческом уме как *tabula rasa*. «Ум всяк человеческий, — пишет он, — аще по образу и по подобию божию глаголется, обаче ничтоже по навиканию разликует воска и бумаги. Якоже бо на тех якова же письма хочет кто начертает, тем же образом и человеческий ум: в нихже ни буди привыкнеши его обычаех и учений или благих или злых, в техже до конца пребывает и любезно водворяется»⁶⁸.

Это высказывание Максима Грека находится в несомненной связи с воззрениями тех итальянских гуманистов, которые считали источником человеческого знания ощущения и опыт. По поводу данного высказывания О. В. Трахтенберг замечает, что в нем чувствуется нотка материалистического характера⁶⁹.

Общие философские воззрения Максима Грека сложились под влиянием Марсилио Фичино и носят на себе печать господствовавшего тогда в Италии неоплатонизма.

⁶³ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 356—357.

⁶⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 172—176.

⁶⁵ А. И. Клибанов. У истоков русской гуманистической мысли. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 33—34. В своей статье автор приводит выдержки из сочинений Мирандолы «Oratio de hominis dignitate».

⁶⁶ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 431.

⁶⁷ Там же, II, стр. 62—63.

⁶⁸ Там же, II, стр. 165. «Главы поучительны начальствующим правоверно».

⁶⁹ О. В. Трахтенберг. Общественно-политическая мысль в России в XV—XVII вв. — Сб. «Из истории русской философии». М., 1951. стр. 80.

Первое знакомство Максима с идеями Платона относится, вероятно, к годам его юности, которые он провел в обществе своего дяди Димитрия, кляниста Платона и Плотина и друга Виссариона⁷⁰. Во Флоренции молодой грек уже по-настоящему увлекся платонизмом и остался верен ему в дальнейшем. Аристотелевские концепции он не принимал, хотя большинство греческого клира и представителей русской церкви выступало против Платона. Марк Эфесский, Георгий Схолярый и их ученики защищали Аристотеля против Плифона и его последователей. И. Денисов, возможно, прав, когда утверждает, что неоплатонизм Максима Грека вызывал недоверие к нему среди умов Греции и был одной из причин его конфликта с официальной русской церковью⁷¹.

Глубокое преклонение перед Платоном Максим неоднократно высказывал в своих сочинениях. Так, в самом первом послании к великому князю Василию Ивановичу он пишет: «Платон внешний философ первый или от боговдохновенных писаний научен, или от света словеснаго, исперва всажденнаго в человечестве, просвещен разумом»⁷². В письме к Федору Карпу Ивановичу Максим называет Платона «внешних философов верховным»⁷³. С целью ознакомления русских книжников с некоторыми идеями Платона Максим Грек переводит на русский язык вторую половину статьи из «Словаря» Свида о Платоне, в которой интерпретируются тексты сочинений Платона — «Законов», «Горгия» и «Федона»⁷⁴.

В кратких чертах платонизм Максима Грека сводится к следующему.

В антропологии Максим исповедует радикальный дуализм души и тела и подкрепляет это образами, заимствованными у Платона⁷⁵. Дуализм углубляется еще тезисом об унии души и тела. Эта уния — не случайна, а есть результат насилия над душой. «Ниже забывай, — обращается он к душе, — яко привязана еси к лютому зверю, бесящуся на тебе всякими лаянии». Максим развивает далее мысль Платона о душе, упавшей с неба в темницу тела, чтобы затем возвратиться на небо, в свое истинное отечество: «Заточение мни здешнее твое пребывание в неже осуждена была еси твоего ради преступления, да аще вторыми борьбами возставиши себе от побеждения своего»⁷⁶. Эта точка зрения признавала тело носителем злого начала, душа же человеческая уподоблялась ангельским духам⁷⁷. Нельзя не отметить совпадения взглядов на природу человека Максима Грека и раннего итальянского гуманиста Колюччо Салютати. В трактате «О мирском и духовном» Салютати рассуждает так.

Человек занимает среднее место между ангелами и животными. Если он стремится к божественному, то приближается к первым, если увлекается мирским, — становится животным. Он обладает свободой выбора. Его воля не только свободна, но и склонна к добру. Но это существо живет в мире, который со всех сторон грозит ему гибелью. Чистая душа, созданная по образу божию, погружена в грязный мир⁷⁸. Поскольку греховный телесный человек не может иметь места в раю, Максим в своем «Слове против Лодовика» высказывает мнение, что человеческие тела после воскресения окажутся лишены сексуальных частей⁷⁹.

Доктрина Максима Грека о катарсисе также исходит из учения Платона и Плотина. Следуя указанным философам, Максим заявляет, что

⁷⁰ E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943, p. 158.

⁷¹ Ibid., p. 308.

⁷² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 296.

⁷³ Там же, I, стр. 354.

⁷⁴ Перевод А. И. Клибанова см. ВВ, XIV, 1958, стр. 172—174.

⁷⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 52, 177 и сл.

⁷⁶ Там же, стр. 22.

⁷⁷ Там же, стр. 187.

⁷⁸ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II. М., 1892, стр. 790—795.

⁷⁹ «Сочинения Максима Грека», III, стр. 223.

созерцание бога становится возможным только благодаря очищению, катарсису ума и души. Каждый из нас, пишет он, должен себе сказать: «Образ есмь божествен, достойна тому да мудрствуем, да получим пръвообразныя красоты»⁸⁰. Вместе с Плотиним Максим считает возможным достижение первоначальной красоты только через отречение от внешней телесной красоты⁸¹. Однако мистицизм Максима вступает здесь в противоречие с его гуманизмом. Максим преклоняется перед богом-творцом, как искусным художником. Поэтому опасная и полная искушения для падшего человека красота творения остается в его глазах божественной. «Сам образ тела, — говорит он, — прям, предобрейше сотворен нарочитым хитрецем» (т. е. премудрым художником)⁸².

Таким образом, в философии Максима Грека сочетаются элементы религиозного аскетизма и западного гуманизма. Возможно, что смелость некоторых его суждений дала повод к нареканиям и обвинениям, выдвинутым против него на судебном процессе. Во всяком случае, индивидуализм Максима Грека и известная независимость его ума в религиозно-философских вопросах являются характерными для века Ренессанса.

2. ГУМАНИЗМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ МАКСИМА ГРЕКА

Буржуазная историография суживала идейное содержание гуманизма эпохи Ренессанса, отождествляя его с индивидуализмом, с идеей свободы личности и суверенности частной жизни. Буржуазные теории гуманизма, выводя всю культуру Возрождения из индивидуалистического мировоззрения «нового человека», полностью игнорировали главную гуманистическую идею, которая развивалась долгое время в утопических формах, — идею гуманности, человечности общественных отношений. Гуманизм периода Возрождения нельзя рассматривать как целостную идеологическую систему одного определенного класса, в данном случае поднимающегося класса буржуазии. Он представлял собою совокупность идеологических течений различного характера.

Дворянство и зарождающаяся буржуазия видели в свободе прежде всего возможность личного произвола, трудящиеся классы — свободу от угнетения.

Первые в большинстве своем были далеки от народа и даже враждебны к нему. Уже ранние гуманисты — Петрарка, Боккаччо, Салютати и др. — при всей прогрессивности их воззрений, являясь представителями господствующего класса, относились к народным массам с нескрываемым презрением, а иногда с отвращением. «Я по мере возможности избегал городов, презирал толпу и общественные дела, уединялся в лесах, скрывался в безмолвии полей», — пишет Петрарка в «Тайне». Там же он заявляет: «Мнению толпы обо мне я придаю не больше значения, чем тому, что думает обо мне стадо животных».

Ключчо Салютати по поводу восстания Чомпи раздражается такой филиппикой: «То были не люди, а самые дикие звери, которые, подпалив город, изгнав столько грандов, разграбили дома богачей».

Такое презрение к народу — характерно для ряда итальянских гуманистов¹.

Другое же течение гуманизма, отражавшее интересы народных масс, представлено одиночками — такими, как Томас Мор, Томмазо Кампа-

⁸⁰ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 5.

⁸¹ Там же, II, стр. 162; III, стр. 213.

⁸² Там же, II, стр. 6.

¹ М. А. Гукоский. Итальянское Возрождение, т. I. Ленинград, 1947; стр. 278—279.

нелла, Томас Мюнцер. Эти деятели выступили с утопическими планами переустройства общества на гуманных началах.

К утопистам-гуманистам следует отнести и Джироламо Савонаролу, пытавшегося установить во Флоренции «полную демократию» и «первоначальное равенство» между людьми.

Максим Грек во время пребывания в Италии воспринял социальные идеи демократического течения гуманизма, которые нашли отражение в его публицистической деятельности. Все его обличительные произведения пронизаны страстным протестом против социальных несправедливостей, глубоким сочувствием к трудящимся массам и решительным осуждением всяких форм феодальной зависимости и эксплуатации.

* * *

Наиболее полно и ярко взгляды Максима на социальные отношения выражены в его сочинениях, посвященных вопросам нестяжательства.

Суть нестяжательского учения сводится к запрещению монахам иметь личную собственность. Во всех сочинениях Максима Грека красной нитью проходит требование полного личного нестяжания иноков. При этом он исходит из евангельской заповеди: «Раздаждь твоя вся убогим»². Поскольку евангельский призыв обращен к последователям Христа вообще, то надо полагать, что Максим Грек считал стяжание пороком, недопустимым не только для монахов, но и для мирян. Богатство он рассматривал как главное зло, которое лежит в основе всех нестроений и преступлений человеческих³.

Второе требование, лежащее в основе нестяжательского учения Максима Грека, заключается в обязанности каждого инока добывать себе пропитание и все необходимое для жизни собственным трудом. Приводя примеры из жизни афонских монастырей, Максим Грек обращается к русским инокам и к каждому читателю его произведений со строгим призывом не пользоваться чужим трудом, а жить своим: «Хлеб бо, рече, свой снеси во вся дни живота твоего в поте лица твоего, ниже стяжи под рукою поселян аки властель, а якоже Христов ученик живи апостольски, руками своими добываючи себе свой хлеб, вся своя преже раздавши нищим»⁴. «Не уподобляй себя губительным кифином (трутням.— А. И.) чужих трудов,— говорит он в другом месте,— наполняючи всегда чрево свое. Ревнуй же праведнейшим деланием премудрыя пчелы, своих праведных всегда насыщаяся»⁵.

В тесной связи с указанными двумя принципами находится третье требование, запрещающее монастырям владеть вотчинами или другим доходным имуществом.

Критика монастырского вотчинного землевладения являлась одним из главных пунктов учения нестяжателей. Самым настойчивым противником монастырских земельных имений был Максим Грек. В своих сочинениях он многократно со всей определенностью осуждал право монастырей владеть доходными имениями⁶.

Но был еще один пункт в учении нестяжателей, который выделил это течение из среды других, придав ему острую социальную направленность,— это вопрос о положении крестьян в монастырских вотчинах. Нестяжатели восставали не только против монастырских имений, но и против жестокой эксплуатации феодально-зависимого крестьянства.

² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 30.

³ Там же, стр. 110—111.

⁴ Там же, II, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 34, 105.

⁶ Там же, стр. 69—70, 89—118, 402 и др.

И Максим Грек был самым ревностным обличителем бесчеловечного притеснения бедных поселян монастырскими властями. В сочинениях «Слово... Беседует ум к души своей...», «Стезание о известном иноческом жительстве...» и «Слово о покаянии...» он рисует потрясающую картину бедственного положения подвластного монастырям крестьянского населения⁷.

Эта картина по яркости, правдивости и полноте изображения не имеет равных в русской литературе XVI в., как правильно отмечает Н. А. Казакова⁸.

Правда, Максим Грек не выдвигал какого-либо определенного решения «крестьянского вопроса», кроме требования «раздать все имения нищим». Однако едва ли можно согласиться с утверждением Б. Д. Грекова, что Максим «мирился с существующей системой взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином» и что «его требования относятся к области морали»⁹. Все выступления Максима Грека пронизаны страстным протестом против угнетения богатыми бедных, против присвоения плодов чужого труда. И это не было простым морализированием¹⁰ или проявлением «совестливости». Признаки «совестливости» можно обнаружить в речах и проповедях многих представителей официальной церкви времен Максима Грека, в том числе у митрополита Даниила и Иосифа Волоцкого, но эти деятели за свою показную «совестливость» не томилась всю жизнь в тюрьме.

Обличения Максима были вызваны подлинной заботой о положении трудящихся. Эти обличения проникали в народные массы и способствовали усилению оппозиционных настроений.

Максим Грек не был волевым реформатором, способным произвести крупные изменения в общественной жизни по примеру флорентийского проповедника. Правда, подобной активной реформаторской деятельности вряд ли можно было ожидать от человека, проведшего значительную часть жизни в тюремном заточении, под строгим присмотром.

Распространенный в научной литературе взгляд на Максима Грека, как на идеолога реакционного боярства не находит достаточного подтверждения в его творениях. То же следует сказать, между прочим, и об остальных истинных нестяжателях (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев и старец Артемий).

Не находя прямой аргументации в работах нестяжателей, защитники этого взгляда прибегают к соображениям, так сказать, побочного характера:

1. Требование Максима Грека, как и других нестяжателей, ликвидировать монастырские земельные владения соответствовало интересам боярских кругов, которые надеялись путем секуляризации огромных монастырских имений в пользу государства отвести надвигающуюся опасность от собственных земель.

2. Максим Грек, как и другие нестяжатели, не касался вопроса о положении крестьян во владениях светских феодалов, хотя оно было не менее тяжелым.

3. Максим Грек, как и другие нестяжатели, был лично связан с боярскими кругами и, следовательно, выражал их интересы.

Что касается первого тезиса, то он никак не подтверждается источни-

⁷ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 31—32, 38, 98, 130—131, 132 (см. А. И. Иванов. К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека.— ВВ, XXIX, 1969, стр. 135—147).

⁸ Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель.— «История СССР», 1967, № 2, стр. 86.

⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е, кн. 2. М., 1954, стр. 227—228.

¹⁰ См. Н. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 160.

ками и просто гипотетичен. В источниках мы встречаем другого рода сведения, которые свидетельствуют, что бояре и представители княжеских родов охотно вступали в монастыри со всем имуществом с целью найти там приют, избежать разных повинностей и вместе с тем скрыть в монастыре свои богатства. Еще чаще крупные феодалы передавали под охрану монастырей вотчины в форме дарения с правом последующего выкупа. Такого рода экономические сделки крупной феодальной знати с монастырями приняли в первой половине XVI в. столь широкие размеры, что правительство особой приговорной грамотой от 11 мая 1551 г. запретило монастырям принимать вотчины «без царева великого князя ведома и без доклада», а вотчинникам сдавать свои земли в монастыри и выкупать их»¹¹.

Несостоятельность приведенного довода заключается в том, что защитники его ошибочно считают самым главным пунктом программы нестяжателей требование секуляризации монастырских владений государственной властью. Вполне понятно, что конфискованные монастырские земли и села должны были перейти в руки других владельцев и, как показала история конфискации церковно-монастырских земель Иваном III в Новгороде в конце XV в., этими новыми владельцами должны были стать поместные дворяне, основная опора великокняжеской власти. Естественно, что при передаче монастырских земельных фондов в распоряжение служилого дворянства положение зависимых крестьян не становилось более легким, так как феодальная эксплуатация, которую с такой силой и страстностью осуждали нестяжатели и особенно Максим Грек, в светских феодальных поместьях была не менее жестокой, чем в монастырских. Поэтому нестяжатели не ставили и не могли ставить вопроса о секуляризации монастырских имений. Ни у Нила Сорского, ни у Максима Грека, ни у Артемия мы не находим такого требования.

Максим Грек в своих «Главах поучительных» предлагает, напротив, чтобы царь воздержался от «хищения чужих имений»¹². Точно так же и старец Артемий в послании к Ивану Грозному не советует «нужением и властью» села отнимать у монастырей»¹³. Только у Вассиана Патрикеева встречается одно высказывание в пользу отнятия великим князем церковных и монастырских имений¹⁴. Но это заявление было сделано в пылу полемической борьбы Вассиана против иосифлянского принципа неприкосновенности церковной собственности, в частности положения о том, что даже «венец носящие» не могут посягать на церковные имущества¹⁵. Никаких других данных о выступлениях Вассиана в пользу секуляризации монастырских вотчин мы не имеем.

Требование секуляризации, настойчиво выдвигавшееся идеологами поместного дворянства и предполагавшее неизбежный переход монастырских владений в руки светских феодалов-дворян, не соответствовало принципу евангельской нищеты и братолюбия, который являлся исходным пунктом в учении нестяжателей.

Истинные нестяжатели первой половины XVI в. своей борьбой против монастырских стяжаний и бесчеловечной эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах преследовали иные цели, чем идеологи феодальных кругов — дворянства и боярства, и, следовательно, не могли отражать интересов последних. Они хотели, чтобы сами монахи добровольно отказались от своих имений и отдали их неимущим, т. е. разорившимся крестьянам, к чему постоянно и призывали в своих сочинениях, напоминая о евангельской заповеди: «Роздаждь имения твая вся убогим»¹⁶.

¹¹ «Стоглав». Казань. 1862, стр. 430.

¹² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 172—173.

¹³ РИБ, т. IV. СПб., 1878, стлб. 1440.

¹⁴ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 279.

¹⁵ Там же, стр. 263.

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 30; «Слово ответно» Вассиана Патрикеева (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев..., стр. 257—259) и др.

Правда, под «убогими», «сырыми» и «неимущими» в средневековом обществе подразумевались не только разорившиеся крестьяне, но вообще всякого рода деклассированные элементы. Однако, поскольку здесь речь идет о раздаче монастырских земельных имуществ, надо полагать, что передача их предназначалась, по мысли нестяжателей, — в первую очередь неимущим, безземельным крестьянам¹⁷. Нельзя признать обоснованным и второй тезис. Обличая и осуждая стяжания и жестокую эксплуатацию крестьян в монастырях, Максим косвенно осуждал светских владельцев и феодальную эксплуатацию вообще, указывая, что в данном случае монастыри уподобляются светским господам. «Мирских человек лихоимцов сицева лукава деяния суть, не помнящих отнюдь будущего оного страшного суда и соблюдаемого сицевым негасимаго огня»¹⁸. «Ничтоже бо обыче толь воззверити нас, — говорит он в другом месте, — якоже еже господьски владети стяжании»¹⁹.

Кроме того, у Максима Грека есть произведения, в которых он выступает с обвинениями, направленными непосредственно против феодальных верхов, — «Слово о неизглаголинном божи промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующах»²⁰, «Слово пространнее излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»²¹.

В первом «Слове» Максим обличает беззакония провинциальных феодальных властей, во втором — произвол центральных правителей, готовых во имя личных интересов разорить царство. Эти обличения тем более замечательны, отмечает В. Ф. Ржига, что Максим Грек поддерживал самые тесные культурные связи с некоторыми лучшими представителями московского боярства (Ф. И. Карпов, В. М. Тучков-Морозов, князь П. И. Шуйский и др.), но эта дружба не помешала ему отрицательно отзываться о деятельности правящих кругов²².

Последний довод покоится на убеждении, что Максим Грек, как и другие нестяжатели, был тесно связан с боярскими кругами. Биографические сведения о нестяжателях не подтверждают этого. Из истинных нестяжателей лишь Вассиан Патрикеев являлся выходцем из боярской среды. Но став после принятия монашества ревностным учеником Нила Сорского, он всецело проникся теми вольнодумными оппозиционными нестяжательскими настроениями, которые господствовали среди заволжских старцев.

Больше данных имеется в пользу того, что ряды нестяжателей пополнились выходцами из низов, главным образом из среды разорившегося черносопного крестьянства Северной заволжской Руси.

Патриархальное крестьянство русского Севера, особенно сильно страдавшее от наступления церковных вотчинников²³, а также комплектовавшееся из него монашество заволжских пустыней — вот та среда, которая живо воспринимала на протяжении всей первой половины XVI в. идеи нестяжателей, а вместе с тем и сопутствующие им радикальные учения еретиков.

Таким образом, у нас нет оснований зачислять нестяжателей в лагерь боярских идеологов по признаку классового родства. Тем более непри-

¹⁷ См. И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 165, 376; Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель, стр. 94—95.

¹⁸ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 106.

¹⁹ Там же, 69.

²⁰ Там же, стр. 185—212.

²¹ Там же, стр. 319—327.

²² В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVII века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, I. Л., 1934, стр. 37.

²³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 140—141, 187—194.

меним этот признак к Максиму Греку, который был выходцем из другой страны и иной среды, весьма далекой от русского боярства.

Главным и едва ли не единственным основанием для зачисления Максима в партию сторонников реакционной феодальной знати служат материалы его судебного процесса, в частности выдвинутые против него обвинения в политической нелояльности в связи со следственным делом опального боярина Берсеня Беклемишева.

Но еще Е. Голубинский авторитетно заявлял, что все обвинения политического характера, предъявленные Максиму Греку на судебных процессах 1525 и 1531 гг., являются клеветой, так как они ни с чем не сообразны и находятся в полном противоречии со всеми высказываниями и деятельностью Максима²⁴.

В последнее время Н. А. Казакова в работе, специально посвященной причинам осуждения Максима Грека, с исчерпывающей полнотой вскрыла несостоятельность выдвинутых против него обвинений и пришла к бесспорному выводу, что «Максим Грек так же, как и Вассиан Патрикеев, был осужден за критику вотчинных прав монастырей, за обличение пороков господствующей феодальной церкви»²⁵.

Нестяжательская публицистическая деятельность Максима Грека, пронизанная глубоким сочувствием к народным массам и решительным осуждением разных форм феодального угнетения, имела много общего с идейным движением западных гуманистов-утопистов и с выступлениями современных Максиму русских еретиков Матвея Башкина, Феодосия Косого и других, которые выражали идеологию общественных низов. Достаточно вспомнить следующие места из сочинений Максима Грека. В «Послании утешительном к некоей княгине скорбящей о смерти сына» Максим предлагает раздать все имение нищим и бедным²⁶. В «Послании неизвестной инокине», намеревающейся перед смертью принять схиму, Максим заявляет, что напрасны надежды «получить спасение одними платми чернеческими и скымою в последнем дыхании», и советует отказаться от неправедно собранного имения и отпустить на свободу кабальных людей²⁷.

Матвей Башкин, следуя советам Максима Грека, отпустил на свободу всех своих кабальных людей²⁸. Неудивительно, что в церковных кругах возникло подозрение насчет единомыслия Максима Грека и Башкина.

Близок был к нестяжательской проповеди Максима и другой еретик — Феодосий Косой, который в своем учении, основанном на заповеди любви к ближнему, развивал целую систему взглядов о всеобщем равенстве, о создании общества, в котором не будет богатых и нищих и все люди будут трудиться»²⁹.

* * *

К публицистическим произведениям Максима Грека нестяжательского характера тесно примыкают и его правоучительные сочинения. Наблюдав-

²⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, 1-я половина. М., 1900, стр. 715—717.

²⁵ А. Н. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126; XXIX, 1969, стр. 108—134. Недавно вновь найденный в Сибири список «Судного дела» Максима Грека, более полный и более древний (конец XVI в.) по сравнению с известным до сих пор (XVII в.) не только не противоречит выводам Н. А. Казаковой, но еще яснее подчеркивает лживость предъявленных Максиму обвинений и тенденциозность всего судебного процесса. См. Н. Н. Покровский. Сибирская находка (Новое о Максими Греке). — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 129—138.

²⁶ Не издано, См. ГБЛ, ф. 256. Собр. Румянцев, № 264 (XVI в.), лл. 298—299об.
²⁷ См. там же, лл. 203—204 об. В. Ф. Ржиги упоминает об этом послании (BS, t. VI, p. 93—94).

²⁸ Московские соборы на еретиков XVI века. Жалобница благовещенского попа Сильвестра. — «Чтения ОИДР», 1847, кн. III, отд. II, стр. 22.

²⁹ Д. К. Шелестов. Свободомыслие в учении Феодосия Косого. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», II. М., 1954, стр. 203.

шийся в раннем Ренессансе усиленный интерес к вопросам морали связан с индивидуалистическим мировоззрением эпохи Возрождения. Но у одних гуманистов индивидуализм выражался в преимущественном внимании к собственной личности, к ее внутреннему миру, развитию ее способностей и удовлетворению потребностей, к личному нравственному и вообще духовному совершенству, у других он характеризовался интересом к ближнему, к окружающему миру и направлен был на устранение нравственных пороков всего общества. Необходимо, однако, отметить, что представители раннего гуманизма в вопросах морали исходили в большинстве своем не только из гуманистических взглядов на «нового человека» как самодовлеющую личность, но и из средневекового религиозно-аскетического представления о греховности человеческой природы и испорченности мира.

Так, Петрарка в трактатах: «О средствах против всякой фортуны», «Об уединенной жизни» и в автобиографическом сочинении «О презрении к миру» резко выступает против наслаждений земными благами, так как они скоротечны, и призывает стремиться к достижению благ небесных³⁰. Такое же соединение индивидуализма с аскетизмом обнаруживается в философско-моральных трактатах Колюччо Салютати. В трактате «О мирском и духовном он резко нападает на современное ему общество, в котором процветает порок. Не составляет исключения и церковь, превратившаяся в средоточие греха. По Салютати, борьба с миром, отказ от земных благ, от семьи, богатства, общества — цель существования человека³¹.

Как и у представителей раннего Ренессанса, аскетические мотивы в правоучительных произведениях Максима Грека занимали видное место. В то же время его постоянные призывы к милосердию, любви к ближним, к помощи нуждающимся, его страстные обличения богатых лихоимцев, угнетающих бедных и слабых, исходили из высоких гуманистических побуждений и имели целью устранить социальную несправедливость и улучшить положение трудящихся масс.

Любостяжание и неразрывно связанные с ним лихоимство и ростовщичество в глазах Максима Грека были главными язвами, которые разъедали древнерусское общество. Против этих зол он и ополчался в первую очередь в своих сочинениях.

Из произведений, в которых он специально касается «богомерзкого резоимания и лихоимания», назовем следующие: «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей в немже и на лихоимство³². «Словеса, аки от лица пречистыя богородицы к лихоимцом и скверным, всякия злобы исполненным, а каноны всякими и различными песнями утешати чающим»³³ и «Слово поучительное»³⁴.

Наряду с лихоимством и ростовщичеством Максим Грек резко выступает против показного благочестия и внешней обрядности. Мы уже указывали, что борьба Савонаролы с лицемерной религиозностью и обрядностью, являясь частью его широкой реформаторской деятельности, была вызвана гуманистическим стремлением освободить человеческую личность от средневековых пут и направить ее усилия на нравственное совершенствование и на благо ближнему.

Теми же мотивами руководствовался и Максим Грек, обличая внешнюю обрядность и лицемерную религиозность. Этому он посвятил несколько специальных сочинений: «Сказание живущим во грехе неотступно,

³⁰ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. I. М., 1892, стр. 174—184, 185—186, 205—207.

³¹ Там же, вып. II, стр. 790—800.

³² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 5—52.

³³ Там же, стр. 241—244.

³⁴ См. ГБЛ, ф. 256. Собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 262—265.

а каноны всякими и молитвами преподобных молящихся богу во вся дни надеющимся спасение получитьи»³⁵. «Поучение ко иноком о исправлении иноческого жития и кая есть сила великия схимы»³⁶, «Послание к неким инокиням»³⁷.

Кроме того, Максим Грек затрагивал эти вопросы и в ряде других произведений нравоучительного характера, таких, как: «Послание неизвестной инокине»³⁸, «О внутреннем посте еже не точию от брашен поститися, но и от всяких страстей душегубительных соблюдатися и отбегати»³⁹.

Как могут угодить богу, говорит он, те, которые «всю надежду спасения полагают во едином лишении мяс и рыб и елея, во время священных пост, а еже обидети и лихоимствовати бедных подручники и в судилища влачити их и враждебие их ратовати и озлобляти различне не престаю»⁴⁰.

Особенно гневно обличает Максим Грек современное ему фарисейство в знаменитом слове, написанном по случаю страшного тверского пожара 1537 г. Максим приводит в качестве примера разорение Греции, которую не спасли от беды «ни благолепное пение», ни «красоты и высоты предивных храмов», ни «даже мощи апостольския и мученической», в этих храмах скрывавшиеся, понеже там (в Греции. — А. И.) убога возненавидеша и сира убиша» из-за златолюбия, неправосудия и мздоимства⁴¹. Таким образом Максим Грек видел основную причину гибели Греции не в моральных пороках, а в социальных.

3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МАКСИМА ГРЕКА

В общественно-политических взглядах Максима Грека прослеживается влияние двух культурных направлений, связанных с византийским и итальянским периодами раннего Ренессанса.

В политических трактатах ранних гуманистов преобладает идея народолюбия. Так, Колуччо Салютати в трактате «О тиране», давая яркую характеристику тирании, считает позволительным убивать тиранов, как воров и разбойников¹. Особенно настойчиво пытался обосновать и провести в жизнь идею народолюбия Савонарола.

В своих воспоминаниях о Савонароле Максим Грек совершенно не касается политической стороны в деятельности флорентийского проповедника. Возможно, что он опасался высказывать симпатии к республиканско-демократическим идеям Савонаролы, чтобы не вызвать гнева московского князя и правящих верхов и не подвергнуться той же участи, которая выпала на долю Савонаролы. Но, скорее всего, эти идеи остались чуждыми православному греку, воспитанному на византийских традициях. Для него, по-видимому, непререкаемой оставалась теория о высшей власти светской и церковной, изложенная в 6-й новелле Юстинианова кодекса². Византийская формула, выражающая взаимоотношение обеих властей, в передаче Максима Грека гласит: «Два превелии и божественнейша (блага) суть священство и царство, по великому во царех Иустиниану, сице глаголющему: превелиа в человецех суть дарования божия от вышняго человеколюбиа дана священство и царство; священство убо бо-

³⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 213—214.

³⁶ Там же, стр. 220—228.

³⁷ Там же, стр. 394—415.

³⁸ См. ГБЛ, ф. 256. Собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 203—204 об.

³⁹ Там же, лл. 69—70 об.

⁴⁰ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 161.

⁴¹ Там же, стр. 261—263.

¹ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 804—806; М. А. Гукоский. Итальянское Возрождение, т. I, стр. 276.

² С. E. Zachariae a Lingenthal. Imp. Justiniani novellae quae vocantur sive constitutiones..., I. Lipsiae, 1881, p. 44—45.

жественным служащее, царство же человеческих вещей начальствующее и промышленяющее; и от единого и того же начала обоя исходяща человеческую жизнь украшают»³.

Идея гармонии двух властей резко отличает Максима Грека и от исифлян, и от заволжских старцев, так как первые защищали принцип подчинения церкви государству, а вторые стояли за независимость церкви⁴. Но, выдвигая эту идею, Максим понимает ее по-своему, явно в гуманистическом духе. Это касается прежде всего сущности и характера царской власти.

Царь в изображении нашего писателя выступает как самодержец. Но признание за ним права на самодержавную власть сопровождается у Максима существенными оговорками и требованиями, которые ведут к ограничению этой власти и идут вразрез со взглядами византийских законовевов и русских книжников, не допускавших никакой критики распоряжений и действий царя, как помазанника божия.

Пределы царской власти Максим Грек ограничивает прежде всего законом. Царь должен «правдою и благозаконием устраяти житейская подручников»; ему надлежит «по спасительным заповедом и законом устраяти вверенное царство и творити всегда суд и правду»⁵. «Ничтоже убо потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующему на земли»⁶.

В пример Максим приводит даже иноверных царей западных народов — ляхов и немцев, «иже, аще и латина суть по ереси, но всяким правосудием и человеколюбием правят вещи подручников, по уставленным градских законов»⁷.

Ограничивать самодержавную власть, по Максиму Греку, должны и царские советники.

В «Главах поучительных начальствующим правоверно» он советует великому князю: «Дивна советника и доброхотна твоему царствию оного возми, не иже чрез правду на рати и воевания вооружает тя, но иже советует тебе мир и примирение любити всегда со всеми окрестными соседы богохранимыя ти державы»⁸.

В Слове о «нестроениях и безчиниях царей» жена Василия жалуется, что современные правители «мало общепольное советование приимают доброхотных их» и «поучение старческое ненавидят»⁹.

В «Послании к начальствующим правоверно» Максим большое значение придает «правде и правости соправящих царю православных князех и боярех» и отмечает, что ничто так не содействует крепости государства, как «единомыслие и друголюбие, еже посреде боярех и воеводах»¹⁰.

В «Послании Ивану Грозному» он убеждает: «Сущаго у тебе преосвященного митрополита и боголюбивыя епископы всякия чести спадобляй и береги... и полезная богохранимей державе твоей советующих послушай»¹¹.

Во всех высказываниях Максима Грека о государственной власти проводится одна мысль: единоличное управление государством ведет к гибели.

В литературе высказывалась мысль, что суждения Максима Грека о роли мудрых советников в ограничении самодержавия отражают взгляды

³ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 162, 297.

⁴ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, стр. 254.

⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 157, 168, 324, 348.

⁶ Там же, стр. 159.

⁷ Там же, стр. 201.

⁸ Там же, стр. 162.

⁹ Там же, стр. 320—321, 334.

¹⁰ Там же, стр. 338—339.

¹¹ Там же, стр. 352—353.

реакционного боярства, выступавшего за сохранение привилегии удельной знати и, следовательно, являвшегося противником централизованной государственной власти¹². Но эта мысль не соответствует действительности.

Когда в малолетство Ивана Грозного у власти стояли бояре, Максим не принял участия в их борьбе за власть. Наоборот, именно тогда он пишет знаменитое «Слово, пространнее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»¹³, в котором изображает властителей под видом диких зверей — львов, медведей, волков и лисиц, раздирающих царство.

Максим говорит о таких советниках, которые бы, не ослабляя централизованной царской власти, удерживали бы ее от нарушений закона и справедливости. Об этом свидетельствует близость Максима к таким советникам Грозного в первые годы его правления, как митрополит Макарий, Адашев, протопоп Сильвестр. Сохранилось два послания Максима Грека к митрополиту Макарию (1547—1548 гг.)¹⁴, в которых он одобряет деятельность Макария и восхваляет за то, что тот, «обильне учит и советует царю» милосердие ко всем подручником, наипаче же ко требующим милости и заступления сирым и вдовицам и лихоимствуемым без человеиче нищим и убогим и приходящим иноземцов странным». Между тем известно, что Макарий был противником бояр и высоко ценил взгляды и литературные творения Максима. Некоторые из них он включил в свои «Великие Четы-Минеи». В то же время Максим, как указано выше, в послании к Грозному советует «сущего у него митрополита» содержать в чести и прислушиваться к его советам.

Особенно важными являются связи Максима с Сильвестром.

Н. И. Смирнов решительно утверждает, что у Максима Грека не было ничего общего с Сильвестром, так как Максим — представитель реакционной идеологии¹⁵. Но это утверждение следует признать голословным. Известно, что Сильвестр в борьбе с боярством опирался на нестяжательскую оппозицию, в частности, на Максима Грека, который считал Сильвестра другом, называя его в своем послании «благодетелем» и честнейшим во иереях» и прося его ходатайства перед царем за детей покойника Никиты Борисовича, живущих в великой скудости и нужде¹⁶.

По всем данным, с большим уважением относился к Максиму Греку и сам Сильвестр, о чем говорит тот факт, что он собирал и хранил сочинения Максима Грека. Поэтому можно утверждать, что влияние Максима Грека в известной степени сказалось на той преобразовательной и законодательной деятельности 50-х годов XVI в., которая проводилась в период управления Адашева и под влиянием Сильвестра и о которой упоминает К. Маркс¹⁷.

Ограничивая самодержавную царскую власть законами и советом мудрых мужей, Максим предъявляет к самодержавному царю целый ряд других требований не только юридического, но и морального характера. «Царя истинна и самодержавна оного мни,— пишет он великому князю Василию Ивановичу,— который еже правдою и благозаконием устраяти житейская подручников прилежит к безсловесным своєю души страстем же и похотем одолети тщится всегда, глаголю же ярости и гневу напрас-

¹² Н. И. Смирнов. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958; *его же*. К вопросу о суде над Максимом Греком.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

¹³ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 319—337.

¹⁴ Там же, стр. 357—367.

¹⁵ Н. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 257.

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 379—381.

¹⁷ К. Маркс. Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

ному и беззаконным плотским похотем. Иже бо сими сицевыми безсловесны одолеваем бывает, несть небесного владыки образ одушевлен, но безсловесного естества человекообразие подобней»¹⁸.

В другом месте Максим заявляет, что истинный самодержец есть тот, кто сам над собой господствует и удерживает себя от всяких страстей и беззаконий, и, прежде всего избегает трех главных страстей: сл астолюбия, славолюбия и сребролюбия.

Особенно подчеркивает Максим необходимость для царя избегать лихоимства и иметь заботу о бедных, сиротах, вдовицах и всех нуждающихся¹⁹. Духом милосердия к нищим и убогим, вдовицам и сиротам пропикнута вся публицистика Максима Грека.

Поэтому естественно, что подобное милосердие, заступничество за обиженных включаются в число важнейших обязанностей царя²⁰.

В качестве примера Максим Грек ссылается, между прочим, на царство Кира, царя персидского, «которого возвысил бог, хотя нечестив и идолопоклонник был, точию за превелию правду и кротость и милосердие его к подручником своим», а «царство Седекиево и Еханиево, царей иерусалимских, хотя и благоверни бяху отчасти, точию за их всяческое беззаконие и сатанинскую гордость и богомерзкое лихоимание» разорил²¹.

Наконец, Максим предъявлял еще одно весьма важное требование к царской власти — «страннолюбное исправление, сиречь еже человеколюбие и кротце и любочестие прилежати к пришельствующим странным, или купцы суть, или призвани быша от них, и прилежати со тщанием о их добром пребывании во елико время у них пребывают, да яко ниже обидими от тугородых, ниже силою да удержатся и возбраняются возвратися во своя си. Но леть да есть им доброхотно приходити им и паки невозбранно отходити отпущенным со всяким оаством и миром и честию». Максим считал, что гостеприимное отношение к иностранцам будет способствовать не только распространению доброй славы о русской державе среди соседних народов, но и притоку в русские города «мужей, всякия премудрости и художества словесного и хитростей житейских искусных. Общий бо обычай всем человеком тамо тщатися понти, идеже слышит кождо живущее в нем художество словесно, ли хитрость житейску в честь мнозе быти»²².

Итак, самодержавие у Максима Грека ограничивалось в двояком смысле: во-первых, юридически — законом и советом мудрых мужей, а во-вторых — нравственно. Такое понимание самодержавия как ограниченной царской власти выражено впервые в русской публицистической литературе.

Предъявляя к царской власти указанные требования, характеризующие его как сторонника просвещенного абсолютизма, Максим Грек в то же время обвиняет современных ему правителей в злоупотреблениях этой властью.

Самым ярким из его обличительных сочинений является «Слово, пространее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»²³. Там Максим Грек в таких красках описывает беззакон-

¹⁸ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 157—158.

¹⁹ Там же, стр. 174—175.

²⁰ Там же, стр. 353.

²¹ Там же, стр. 354—355.

²² Там же, стр. 182—184.

²³ Там же, стр. 319—337. В этом «Слове» Максим, как известно, изображает Московское царство в период малолетства Ивана Грозного в виде сидящей у дороги и горько плачущей женщины, окруженной хищными зверями. Напомним, что Петрарка в письме из Падуи к императору Карлу IV (1350 г.) изображал старейший Рим в образе скорбной вдовы с растерзанными одеждами и растрепанными седыми волосами (В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 486).

ния правителей, которые очень напоминают описание действий тирана в трактате Колюччо Салютати «О тиране» и в проповедях Савонаролы, а особенно в его трактате об устройстве Флоренции, написанном в 1499 г.²⁴

Критика правителей и защита угнетенных носила у Максима Грека не абстрактный характер, а имела прямое отношение к русским государственным порядкам.

Неудивительно, что его взгляды оказали влияние на многих представителей русской общественной мысли первой половины XVI в.

Так, И. Пересветов в челобитных, поданных царю в 1549 г., и в «Сказании о царе Константине» повторяет многие мысли Максима Грека о государственной власти. Царь у него выступает как глава сословно-представительной монархии, как правитель, постоянно совещающийся с «верной думой», в которую входят знать, военачальники, судьи, духовенство. И. Пересветов предъявляет к царю те же требования, что и Максим Грек. Единственное качество, которое он исключает, — это кротость. «Царь кроток и смирен на царстве своем, — пишет он, — и царство его оскудеет и слава снизится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».

Как и Максим Грек, И. Пересветов центральное место в делах государственного управления отводит «правде». Говоря о судебных злоупотреблениях и беззакониях правителей, он обращается к примерам, которые приводит Максим Грек²⁵.

Ряд мыслей Максима Грека развивает в своих посланиях и письмах Сильвестр (о мудрых советниках царя, о борьбе с лихоимством, о правом суде, о кротости, о необходимости нравственного совершенствования и т. д.).

Вообще можно сказать, что влияние Максима Грека распространялось на довольно широкий круг лиц, которые в той или иной мере участвовали в подготовке преобразований, проводившихся правительством в середине XVI в.²⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив отношение Максима Грека к итальянскому Возрождению, мы приходим к следующим выводам.

1. В идейном наследии Максима Грека нельзя выявить единую, строго определенную систему взглядов. В нем нашли отражение разные культурные направления и влияния, иногда взаимно противоборствующие.

2. Для идейного облика писателя характерна глубокая религиозная и нравственно-аскетическая настроенность, внушенная ему проповедями Савонаролы и закрепленная длительным пребыванием на Афоне в обстановке монашеского аскетизма. В этом отношении Максим Грек был близок к тем деятелям раннего Ренессанса (Петрарка, Салютати и др.), которые, стремясь создать «новые критерии жизни», в то же время придерживались еще старых, средневековых религиозно-аскетических представлений. Отсюда его недоверчивость к классической языческой культуре, двойственность взглядов на задачи философии, на роль человеческого разума в познании, на мир и природу человека, на науку. Наиболее наглядно религиозно-аскетическая настроенность Максима Грека проявилась в его дог-

²⁴ П. Виллари. Указ. соч., т. 2, СПб., 1913, стр. 78.

²⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 348—350, 417—418; В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908, стр. 42—43.

²⁶ В. Ф. Ржига. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 31—32, 36—37, 75—76; А. А. Зимин. Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 307; И. Беллев. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. — «Русская беседа», 1858, IV, стр. 13.

матико-полемических, экзегетических и некоторых нравоучительных произведениях, в которых он выступал в духе средневекового восточного ортодокса.

3. Помимо средневековых религиозно-аскетических пережитков, в идейном наследии Максима Грека прослеживается сильное влияние византийских культурных традиций. Во время пребывания в монастыре на Афоне Максим углубленно изучал богатое греко-византийское наследие. Читая античных авторов, а также византийских писателей, рассказывавших о былом величии и трагической судьбе Эллады, Максим Грек невольно проникался чувством греческого патриотизма, которое он сохранил и во время пребывания в России, о чем заявлял в «Исповедании»: «Грек бо аз и в гречестей земли и родився и воспитан и постригся в иноки»¹.

Горячей любовью к родине и глубоким убеждением в чистоте греческого православия объясняются его выступления в защиту канонической законности поставлений русских митрополитов и архиереев константинопольским патриархом и святости города Иерусалима, как родины христианства, а также его неоднократные высказывания, что Русь должна взять на себя историческую миссию освобождения православного греческого Востока от турецкого ига.

Изучение книжных сокровищ Афона чрезвычайно обогатило познания Максима Грека. Из обширной церковной литературы черпал он материал для богословско-полемических и обличительных сочинений. На Афоне Максим основательно ознакомился с памятниками церковного и гражданского византийского законодательства, что нашло отражение в его взглядах на взаимоотношения русской церкви с православным Востоком, на соотношение светской и духовной властей и в оценке ряда других вопросов организации церковного и государственного управления.

Таким образом, в литературном наследии Максима Грека греко-византийские традиции сыграли весьма видную роль.

4. Однако едва ли не самой характерной чертой идейного наследия Максима Грека следует признать его гуманистическую направленность. Можно сказать, что гуманистические настроения пронизывают почти все литературные творения писателя. К какому бы разделу его произведений мы ни обратились, мы везде найдем отражение в большей или меньшей степени идей итальянского Ренессанса. Его неоплатонизм, многократные ссылки на авторитет древних, настойчивая пропаганда грамматических знаний и критического отношения к письменным источникам, резкие обличения всевозможных средневековых суеверий, показной религиозности и внешней обрядности, критика разных сторон церковной жизни, и прежде всего суровое порицание духовенства за богатства и роскошную жизнь — все это генетически связано с ранним Ренессансом.

Особенно сильно сказывается гуманистическая струя в публицистических и нравоучительных сочинениях Максима Грека, в которых он обрушивается против социальных несправедливостей, против притеснения богатыми бедных, власть имущими бесправных, против произвола и эксплуатации. Н. К. Гудзий справедливо замечает, что здесь Максим Грек «поднимается выше гуманистов». «Социальная окраска его проповеди, — пишет Н. К. Гудзий, — когда речь идет о любви к угнетенным классам, его истинный демократизм и народолюбие составляли полную противоположность эгоистической, по преимуществу, и аристократической морали гуманистов... Для последних вопросы морали, которые занимали видное место в их мирозерцании, были вопросами личного самоусовершенствования и самопознания, для Максима они носили характер чисто

¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 36.

альтруистический, основанный на евангельской почве любви к ближнему»².

Но, как отмечалось выше, не все гуманисты проповедовали идею только личной свободы и личного счастья. Существовало гуманистическое течение, отражавшее интересы трудящихся масс. Представители его выступили с утопическими планами и требованиями переустройства общества на началах гуманности. К ним можно отнести и таких деятелей, как Савонарола и Максим Грек. Какими бы эпитетами ни характеризовать их социальные взгляды — морализирование, совестливость, альтруизм и т. п., — ничто не может затушевать их подлинно гуманного характера.

Наконец, гуманистические элементы прослеживаются и в общественно-политических воззрениях Максима Грека. Придерживаясь в основном юстиниановской теории о гармонии двух властей — светской и духовной — при сохранении самодержавных прав первой, Максим Грек в то же время предъявляет верховной власти такие требования юридического и морального характера, которые являются отзвуком передовых политических идей Ренессанса.

Итак, наследие Максима Грека несет на себе следы разных культурных влияний. В творчестве писателя обнаруживаются черты средневековых и ренессансных традиций, византийской и западной образованности. Отсюда двойственность и противоречивость его взглядов, что характерно для большинства передовых деятелей итальянского Возрождения XV—XVI вв.

Анализируя эту характерную для Ренессанса черту, Энгельс в ряде работ с исчерпывающей полнотой раскрыл причины указанных противоречий³. Он считал, что они коренятся, с одной стороны, в уровне материальной культуры, а с другой — в особенностях классовой борьбы XV—XVI вв., когда на исторической арене появляется буржуазия и одновременно — предшественники современного пролетариата «с лозунгом коммунизма на устах»⁴. В противоречиях Ренессанса Энгельс видел не только борьбу старого, схоластического и нового, гуманистического начал; он рассматривал их, как проявление внутренних противоречий в психологии и идеологии той эпохи, как неизбежное следствие двуединой — реакционной и в то же время прогрессивной — природы самой буржуазии как класса-освободителя и класса-поработителя.

Обрисовав возникновение передовых философских воззрений, Энгельс одновременно показал те пережитки прошлого, которые подчас сковывали передовые идеи.

Поэтому культуру эпохи Возрождения надо рассматривать в процессе ее противоречивого развития, чтобы по-настоящему оценить значение отдельных ее деятелей.

Подходя с этой точки зрения к литературной деятельности Максима Грека, мы можем решительно утверждать, что его деятельность, при всей ее противоречивости, пронизана гуманизмом и оказала плодотворное воздействие на развитие русской культуры и общественно-политической мысли.

Во время своего довольно продолжительного пребывания в России Максим Грек откликался почти на все крупнейшие явления русской действительности. Он не только вошел в курс проблем, волновавших мыслящих русских людей первой половины XVI в., но давал этим проблемам

² Н. К. Гудзий. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — «Киевские университетские известия», 1911, № 7, стр. 16.

³ З. Н. Мелещенко. Энгельс о философии Возрождения. — «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 5, Серия экономики, философии права, вып. I, стр. 58—66.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 508.

определенное направление, влиял на умы⁵. Ученик гуманистов, Максим Грек внес дух борьбы за известные идеалы и дух реформы в русское общество. Для современников и ближайших потомков он являлся учителем и вдохновителем, так как его страстная и правдивая критика выдвигала множество актуальных вопросов во всех почти областях жизни. Многие из его идей и начинаний не поняты были современниками или встречены враждебно, особенно представителями правящих консервативных кругов, и принесли свои плоды позднее. В этом отношении недалек был от истины Хр. Лопарев, который писал: «Максим, явившийся на Руси насадителем классических студий, не был понят и тяжестью заточения искупил невольный грех своего благоговения к эпохе Возрождения»⁶. Во всяком случае, едва ли будет ошибкой признать Максима Грека одним из передовых русских деятелей, который выступил на Руси проводником идей итальянского Ренессанса.

⁵ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л.; 1947, стр. 161—164.

⁶ Хр. Лопарев. Заметки о сочинениях преп. Максима Грека.—«Библиографическая летопись», III, 1917, стр. 65.